

О необходимости альтернативного развития понятия «односторонняя сделка» в гражданском праве третейскими судами

Ю. Э. МОНАСТЫРСКИЙ, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института СевГУ, доктор юридических наук; monastyrsky@mzs.ru

В публикации затрагивается вопрос значения понятий в гражданском праве. Регулирующая роль последних заключается в стабилизации одинаково понимаемого смысла, в вероятном изменении их содержания на этапах законотворческого процесса. Примером служит термин «односторонняя сделка», воспринимавшийся под влиянием римского права сначала в качестве «как бы договора», затем любого одностороннего действия, меняющего правоотношения, но логика регулирования приводит к значению его только как акта самообязывания совершающего сделку и не более того. Эта публикация подчеркивает автономную роль арбитражных трибуналов в оптимальном решении описанного вопроса.

Ключевые слова: гражданское право; теория; односторонняя сделка; обязательство; основание возникновения; арбитраж.

Гражданское право, как никакое другое, характеризуется устойчивостью своих фундаментальных понятий, несмотря на необходимость постоянного их анализирования и развития, наполнения их новым содержанием вследствие неизбежного усложнения имущественного оборота, которое происходит не всегда линейно и поступательно. Во времена войн, в советский период бытовые и хозяйственные связи упрощались, и не было потребности в цивилистических исследованиях основополагающих правовых категорий. При этом часто необходимость в таких разработках созревает применительно к тому или иному вопросу и показывает свою остроту раз в несколько десятилетий.

Действия объективного права связывают с юридическими фактами, важнейшие из которых производятся поведением физических и юридических лиц, при том, что правовая обязанность имущественного содержания субъектов зависима также от обозначенных событий, явлений и обстоятельств: гибели вещей, открытия наследства, истечения сроков и т. п.

Особая роль принадлежит осознанным волевым действиям, создающим невидимое правовое облако вокруг лиц или их должествование, подкрепляемое арсеналом государственных принудительных мер. Описанное происходит, когда легитимизируются условия имущественных требований к конкретным субъектам.

При этом явно закономерно и объективно неизбежно выделяются те случаи контактов и соприкосновений, когда совпадает содержание воли различных лиц, и стороны взаимно связывают себя договором. Это юридическое действие регулируется особо, является формирующим важную область отношений. Договор — это мотор имущественного оборота, активно приводящий к задействию правовых норм. Такие же действия, как, скажем, подача иска, одобрение сделки, находка вещи, напоминание о задолженности, производство работ, передача товаров во исполнение обязательства, играют подчиненную или второстепенную роль.

Право не могло давать охрану любым договорам частных лиц, не обращая внимания на несправедливость, противозаконность, эгоизм, проявляющиеся при реализации намеренных либо подсознательных имущественных устремлений. Теория и практика выявили четыре вида ограничений, обуславливающих правовую силу этих важных формальных событий. Пандектная модель, заимствованная у германских цивилистов, производила базовое требование о законности и выходящие из нее специальные составы: отсутствие пороков воли в виде обмана, заблуждения, угрозы, имущественного давления и пр., изъянов формы; наличие способности или полномочности, каузы. При этом такой режим предусмотренной правовой необходимости распространялся и на важнейшие односторонние действия, которые были объединены впервые в проекте Гражданского уложения Российской империи вместе с договорами в одно фундаментальное правовое понятие — сделки.

Здесь наметился отход от самой римской традиции, рассматривавшей некоторые действия как особую разновидность оснований возникновения обязанностей — «как бы из договора» (*quasi ex contractu*). В результате односторонние сделки оказались в области очень динамичного и скрупулезного регулирования практики соглашений (контрактов, договоров, многосторонних сделок), не всегда совместимого с особенностями важных юридических в имущественном смысле, но односторонних действий.

Возникла и существует не в достаточной мере осознаваемая необходимость сужения понятия односторонних сделок и оставления этого наименования только за такими из них, которые действительно приближены к значению односторонне обязывающих договоров, когда совершающие сделку принимают на себя обязательства, а не просто любую обязанность и, кроме особых исключений, известен кредитор. Подчиненная роль индивидуальных поступков, претендующих на изменения в правоотношениях, теперь объясняет, почему проблемой четкого критерия различения

сделок и действий долгое время предметно не занимались. Значительные российские цивилисты высказывались об односторонних сделках лишь попутно и, мы бы отметили, без надлежащего обдумывания.

Теория отечественного гражданского права формировалась в XIX в., тогда же появились фундаментальные труды, в которых среди прочего предпринимались попытки классификации значимых пунктов человеческого поведения, приводящего к возникновению правовых последствий. Считающийся образцовым автором и эталоном доктринальных изысканий Евгений Владимирович Васьковский предложил научное деление, которое могло считаться коренным, но на самом деле было полным логических тупиков и недоразумений. Находясь в рамках терминологических концепций Свода законов Российской империи, автор писал о «дозволенных и недозволенных действиях». Первые делились на умышленные и неумышленные, вторые — на случайные, умышленные и неосторожные. Из парадигмы предложенной селекции выводилось, что дозволенные умышленные действия — это только сделки. В соответствии с этим членением любое целевое поведение и любой намеренный поступок, имеющий эффект имущественного изменения, являлся сделкой¹.

Другие авторы для обнаружения соотношения действий и их необходимой формализации, когда нет условий для сложения взаимных обязательств, выдвигали критерий особой социальной значимости и называли односторонними сделками принятие наследства, отказ от наследства², наследственное распоряжение, обещание на случай смерти³, завладение, оставление вещи, принятие наследства, отречение от него⁴, в первую очередь ввиду эффекта самообязывания. Утверждалось, что «строго односторонние сделки, где нет обращения к определенному лицу, и потому право к ним относится более строго, типичными примерами таких сделок служат обет и обещание (газетное объявление)»⁵. Обращает на себя внимание разброс мнений писателей: одни говорили о конкретных односторонних актах из области наследства, другие — о любой вещной или имущественной динамике вследствие безразлично какого волевого поступка, третьи вкладывали в понятие односторонней сделки любое, даже не адресное самообязывание.

Такой разнობой не мог не повлиять на то, что в проекте Гражданского уложения появился п. 56 со следующей формулировкой и классификацией.

¹ Васьковский Е. В. Учебник гражданского права / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2016. С. 137–139.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч.: по испр. и доп. 8-му изд. 1902 г. Ч. 1. М., 1997. С. 167.

³ Grimm Д. Д. Лекции по догме римского права: Пособие для слушателей / Проф. Д. Д. Гримм. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб., 1914. С. 64.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Вступ. ст. Е. А. Суханова. М., 1995. С. 112–113.

⁵ Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 144–158.

Разрешенные действия, связанные с имуществом, названы юридическими сделками, в том числе «приобретения или прекращения прав по воле одного лица»⁶. Юридические действия, помимо приобретения или прекращения прав, назывались актами, совершаемыми «порядком домашним, явочным, вотчинным, нотариальным», а сделки могли осуществляться «на словах и на письме» (п. 57, 58). Мы видим, что здесь выведен единый унифицированный, но расплывчатый и неясный критерий для сделок: приобретение/прекращение прав.

Таким образом, односторонней сделкой можно было считать: подачу конкурсной документации, акцепт оферты, принятие векселя на предъявителя, сдачу подрядных работ и т. п. Совершающие их лица получают гражданские права по участию в торгах, в связи с обладанием требований по векселю, оплатой сделанного по договору подряда и пр.

В советское время понятие сделки было расширено, но они должны были в основном совершаться в письменной форме, и согласно ГК РСФСР 1922 г. (ст. 26) это были «действия, направленные на установление, изменение, прекращение гражданских правоотношений»⁷. Любые поправки в содержании уполномочения либо должествования, как мы видим, подчинялись режиму сделок, а не обычных юридических действий.

В 1961 г. недействительные, т. е. незаконные, как и имеющие пороки воли, заключенные неуполномоченными лицами, а также в отсутствие правомерной цели, в нарушение формальных требований сделки влекли уже реституцию, т. е. не просто отсутствие правовых последствий и юридической защиты, но и возвращение в первоначальное положение (ст. 14 Основ гражданского законодательства 1961 г.⁸).

Эта модель регулирования, к сожалению, перекочевала без изменений в новейший нынешний кодекс. И пока с ней не разобрались и не подкорректировали судебной практикой, она порождала невиданные феномены. Иски о признании любых сделок ничтожными составляли абсолютное большинство всех гражданско-правовых дел во второй половине 1990-х гг.

Однако 8 марта 2015 г. были приняты давно назревшие поправки в ГК РФ, вводившие среди прочего презумпцию оспоримости всех сделок (ст. 168 ГК РФ). Идея такого переворота была в том, чтобы утвердить силу значимых актов, а в случае их правой дефектности, они *должны были* обсуждаться в суде, это по смыслу поддерживало оборот с участием честных и добросовестных субъектов. Но при введении этой, не побоимся этого слова, кардинальной реформы кое-что было упущено. Оспоримость

⁶ Гражданское уложение. Проект / Под ред. И. М. Тютрюмова. СПб., 1910. С. 71.

⁷ Гражданский кодекс РСФСР: <https://docs.cntd.ru/document/901808921> (дата посещения — 14.03.2022).

⁸ Закон СССР «Об утверждении основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» от 08.12.1961 // СПС «КонсультантПлюс».

распространялась на все, в том числе на односторонние сделки. Открылась формальная возможность перестраивать отношения таким действием, и для отмены подобного эффекта требовалось судебное вмешательство, условием которого была частная инициатива. Здесь должно было последовать переосмысление такой правовой категории, как односторонняя сделка. Напрашивается узкая трактовка ст. 155 ГК РФ:

Односторонняя сделка создает обязанности для лица, совершившего сделку. Она может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законом либо соглашением с этими лицами.

Согласно смыслу этой нормы, односторонняя сделка — это самообязывание ее совершающего, не требующее принятия кредитором, но подобная трактовка не утвердилась, и теоретики, которые уверены в своем авторитете, сильно рискуя, утверждали, что односторонней сделкой, например, является внесудебное расторжение договора. Чтобы такое понимание не подорвало оборот в целом, Верховный Суд высказался в нарушение ГК РФ (ст. 168) о том, что прекращение договора уведомлением может считаться ничтожной сделкой⁹. Как видно из этого, высшая судебная инстанция вместо исследования и фиксирования закономерного изменения содержания понятия проигнорировала и отбросила недавно установленный (2013) принцип презумпции оспоримости сделок, кроме особых случаев в законе (ст. 168 ГК РФ). Таким образом, необходимо ограничить охват понятия «односторонняя сделка» как акта самообязывания ее совершающего, а не любого действия, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Такое сужение значения обсуждаемой основополагающей гражданско-правовой категории созрело и является необходимостью, давно примененной представителями практической юриспруденции в Российской Федерации.

⁹ Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // СПС «КонсультантПлюс».